

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1272-1280. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an “Imperial Identity”

Viktor V. Titov ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study focuses on the formation of a common "imperial identity" in the framework of the national policy of Alexander III. The aim of the present work is to assess the effectiveness of the “identity policy” of Alexander III and, in particular, its influence on the domestic political situation and the foreign policy position of the Russian Empire. The research methodology is based on a combination of case study elements, descriptive, structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that Alexander III, following the current trend of building a national state at that time, tried to form a single “imperial identity” through language expansion and the elimination of the elements of autonomy of individual parts of the empire. These measures were accompanied by the introduction of discriminatory practices in relation to specific ethnic groups. The latter was partly justified by the emergence of new external threats, partly by the spread of xenophobic stereotypes among representatives of the political establishment. It is also emphasized that in his policy the emperor often underestimated the extent of the spread of nationalism among individual peoples of the Russian Empire. Not given due attention and the role of foreign economic factors in the development of separatism. The policy of Russification was not accompanied by the development of the mass education system in Russian, which minimized its effectiveness. At the same time, the authorities failed to sufficiently smooth out social conflicts that arose as a side effect of the process of industrialization and the development of capitalist relations. The consequence of the latter was the erosion of the identity of the titular nation of the empire. Discrimination against specific ethnic groups contributed to the influx of its representatives into the revolutionary movement. This process contributed to the strengthening of xenophobic stereotypes, which provoked the expansion of repression by the authorities and public organizations affiliated with them. The latter naturally exacerbated the "national question" and strengthened the attractiveness of the revolutionary movement for "foreigners." Under these conditions, the efforts of the central authorities to strengthen the "imperial identity" gave only the opposite result. The national policy of Alexander III also contributed to the growth of anti-Russian sentiments within Europe and the United States.

Keywords: Alexander III, national politics, “national question”, identity, Poland, Finland, Jews.

1. Введение

«Национальный вопрос» в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. традиционно является одним из наиболее живо обсуждаемых сюжетов в историографии данного периода. Используемые для его интерпретации объяснительные модели служат не только основой для реконструирования национальной политики соответствующей эпохи, но и выступают в качестве теоретического фундамента, на основе которого выстраивается описание процессов революционной борьбы, развития парламентаризма, миграционных процессов, образовательной политики и т.д. В силу данных обстоятельств национальная политика в обозначенный период приобретает парадигмальный характер: вне ее контекста невозможно полноценно интерпретировать ни один из аспектов развития империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

При этом ключевое значение в рамках данного направления в историографии национальной политики империи Романовых приобретает оценка курса национальной политики, реализованного Александром III. Причины повышенного интереса к данному аспекту темы вполне понятны: данный монарх не только произвел ревизию национальной политики своего предшественника, но и сумел во многом обеспечить преемственность выбранного курса. Фактически по большинству параметров Николай II воспроизвел курс своего отца в сфере национальной политики (Сосновских, 2016а: 206; Зайончковский, 1970: 129-131). Таким образом, представления Александра III о целях и методах реализации национальной политики определили ее специфику и на последовавший за его смертью период.

При этом необходимо отметить, что анализ национальной политики Александра III в научной литературе чаще всего осуществляется сквозь призму различных систем моральных или идеологических ценностей, что придает итоговым оценкам необъективный характер. В равной степени большинство исследователей игнорируют теорию политики идентичности, которая так или иначе лежит в основе любой концептуальной модели национальной политики.

Естественным следствием этого стало отсутствие объективной, неполитизированной и теоретически фундированной оценки национальной политики Александра III.

Целью представленного исследования является ликвидация данной лакуны посредством проведения концептуальной оценки национальной политики Александра III с позиций современной теории идентичности.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования сформирована за счет привлечения источников законодательного и публицистического характера (статья М.Н. Каткова). Равным образом при написании работы использовался широкий круг ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот архивных материалов. Автором были привлечены документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ): материалы 2-го (законодательного) и 3-го (секретного) делопроизводств Департамента полиции Министерства внутренних дел. Также при подготовке исследования использовались документы Российского государственного исторического архива (РГИА), хранящиеся в фондах Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и Комитета о евреях под председательством сенатора Д.В. Готовцева.

При подготовке исследования также широко использовалась дореволюционная литература, связанная с темой национальной политики властей Российской империи.

Методология исследования построена на комбинации элементов психологического, социологического и макрополитического подходов к интерпретации феномена идентичности.

Дескриптивный анализ позволяет комплексно осветить и проанализировать национальную политику Александра III с точки зрения закономерностей развития процесса формирования национально-государственной идентичности. Обращение к структурному анализу дает возможность выделить факторы, влиявшие на формирование имперской идентичности, и оценить их взаимовлияние. Сравнительный анализ выступает в роли инструмента, позволяющего выявить специфику политики идентичности при изучении действий властей в отношении интеграции конкретных этносов.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема получила фрагментарное освещение в рамках изучения национальной политики в отношении конкретных этносов империи (Гильфердинг, 2009а; Липранди, 1909). В советский период в научный оборот было введено большое количество новых источников, а сама национальная политика Александра III получила комплексное освещение. Однако исследователи были вынуждены придерживаться в своих оценках положений официальной идеологии, демонизировавшей фигуру императора (Дякин, 1995; Зайончковский, 1970). В современный период была произведена переоценка национальной политики Александра III на основе принципа объективности, однако она рассматривается преимущественно вне контекста современных теорий идентичности (Боханов, 2006; Горизонтов, 1999; Майорова, 2012). Последнее закономерно предполагает необходимость заполнить соответствующую лакуну в степени изученности темы.

4. Результаты

Обращаясь к обозначенной теме, в первую очередь необходимо дать пояснения относительно функционирования механизма создания национально-государственной идентичности. Соответствующий процесс обладает комплексной структурой. В сознании общности, выступающей в качестве объекта воздействия, необходимо выработать систему взаимосвязанных образов. Последняя должна включать в себя образ коллективного прошлого, образ общего будущего, систему представлений о маркерах, отличающих представителей данной общности (в виде ценностей, моделей повседневного поведения, стереотипов и т.д.), и комплекс установок, определяющих

идентификацию «значимых других» – представителей иных сообществ, напрямую или косвенно оказывающих существенное влияние на носителей данной идентичности.

За счет этого процесс формирования идентичности протекает во многом на поле политики памяти и в целом символической политики. Представления об общем прошлом, желанном будущем, специфике собственной общности и отличительных чертах других макросоциальных групп кодируются в символах, обладающих насыщенной эмоциональной окраской и распространенных на поле массовой культуры. Символы, будучи включенными в различные социальные ритуалы (например, празднование мемориальных дат), выступают в качестве основы воспроизводства национально-государственной идентичности.

При этом политику идентичности нельзя сводить только лишь к конструированию символики. Внедрение последней в сознание масс требует интеграции культурного и, в первую очередь, образовательного пространства, сближения хозяйственных укладов, выравнивания уровня социально-экономического развития различных территорий, престижного позиционирования культуры и языка общности. В то же время необходимо подчеркнуть, что административно-командные методы продвижения идентичности, как правило, демонстрируют низкую степень эффективности. Причина последнего заключается в том, что они подразумевают не столько популяризацию новой культуры, сколько запрет на применение привычных и удобных для использования традиционных форм (наиболее ярко это проявляется посредством языковых запретов в сфере образования и делопроизводства). Это автоматически начинает интерпретироваться как дискриминация носителей идентичности конкретной макросоциальной (в том числе политической, этнической) общности. Как следствие, инициаторы подобной «интеграции» начинали восприниматься в качестве «врага» (Кудряшев, 2013: 59-60).

В начале своего правления Александр III был поставлен перед необходимостью выработать ответы на целый ряд вызовов на поле национальной политики. Часть из них досталась ему в наследство от предыдущего царствования, а часть носила принципиально новый характер.

С одной стороны, по-прежнему сохраняла остроту проблема интеграции в общее пространство имперской идентичности ряда западных территорий, в первую очередь – Польши и Финляндии. Как показала практика, политика предоставления им льгот и преференций автономистского плана (в первую очередь это касалось великого княжества Финляндского) не способствует снижению уровня национализма и сепаратизма, а, напротив, подпитывает их. В то же время активное развитие местной промышленности способствовало укреплению экономических связей между ними и крупными европейскими государствами, в первую очередь – Германией. Последнее вызвало еще большее ослабление российской имперской идентичности в соответствующих регионах (Высочайший Его Императорского..., 1913: 130-158; ГАРФ. Ф. 102. Оп 1. Д. 214. Л. 35-37; Липранди, 1909: 27; Сосновских, 2016б: 127; Уикс, 2015: 70).

Появление на западных границах Российской государства империи Гогенцоллернов закономерно поставило на повестку дня вопрос о пересмотре национальной политики на буферных территориях между Германией и условной «метрополией». В первую очередь это касалось Прибалтики, а конкретнее – остзейских губерний, в политической жизни которых определяющую роль играло немецкое дворянство (ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 197. Л. 28-29; Свод местных узаконений..., 1845: 1-7; Катков, 1897а: 293-294). Несмотря на традиционную лояльность прибалтийских немцев, в Санкт-Петербурге опасались распространения среди них идей пангерманизма.

В то же время серьезные трансформации наблюдались и внутри титульной нации империи. Реформы Александра II способствовали активному развитию процессов индустриализации и урбанизации. При этом промышленное развитие России достаточно быстро обрело ряд специфических черт, одной из которых стала высокая степень концентрации работников на предприятиях. Последнее катализировало быстрое оформление промышленных рабочих в качестве отдельной социальной группы. Наряду с тяжелыми условиями труда на большинстве предприятий, это стимулировало развитие борьбы рабочих за свои права, что в совокупности привело к существенным изменениям в социальной структуре населения и, соответственно, системе его самоидентификации.

Одновременно процесс проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство стал импульсом усиления социально-экономической дифференциации в деревне, что в условиях сохраняющего остроту «земельного вопроса» способствовало усилению социальных конфликтов. В силу многоуровневого и пластичного характера идентичности это влекло за собой смену приоритетов в сфере социальной самоидентификации различных групп подданных империи. В частности, все чаще промышленные рабочие и часть крестьян начинали воспринимать себя в первую очередь в качестве выходцев из соответствующих социальных групп и лишь затем – представителей определенной нации. И прежде всего это касалось этнических русских, поскольку вопрос о сохранении своей национальной идентичности не обладал для них особой актуальностью (Баглай, 2016: 799; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 121. Л. 50-53; Дякин, 1995: 135; Миллер, 2007: 337).

В то же время интенсификация процесса встраивания Российской империи в мировой рынок способствовала развитию этнического национализма в приграничных районах, экономика которых была выстроена преимущественно на основе экспорта местной продукции за рубеж. При этом

ключевую роль в рамках данного процесса играли как выходцы из деловых кругов, в понимании которых национализм был тесным образом связан с расширением политических и экономических прав, так и представители интеллигенции. Среди основной массы населения была относительно широко распространена бытовая ксенофобия, однако ей в целом не были свойственны сепаратистские настроения (Вортман, 1999: 238).

Ситуацию усугублял фрагментарный характер общего культурного пространства империи. В стране отсутствовала единая система начального массового образования, которая охватывала бы большую часть населения (к ее созданию власти приступили уже в правление Николая II). В результате потенциал распространения русского языка в большинстве национальных регионов был ограничен. Их жители не имели возможности приобщиться к общей культуре империи, воспринять ее символические основы, воспроизводство которых в конечном счете обеспечивало выработку и сохранение общей имперской идентичности. В то же время в районах компактного проживания «инородцев» отсутствие массового образования на русском языке способствовало сохранению монолингвистического характера языкового пространства. Низкий уровень языковых навыков в совокупности со сравнительно низким качеством транспортной инфраструктуры содействовали закреплению обособленности национальных регионов. Их жители могли воспринимать себя как подданные «русского царя», но при этом они не рассматривали себя в качестве части единой политической нации, в состав которой входят прочие народы империи. Отсутствие единого культурного и образовательного пространства закономерно подпитывало этнический национализм и сепаратизм (Катков, 1897с: 25; Катков, 1897б: 423; Миронов, 2003: 325).

Отдельно необходимо отметить влияние такого фактора, как неравномерность развития конкретных регионов империи. Политика правительства не предполагала применение такого инструмента, как выравнивание благосостояния конкретных территорий. Как результат, между отдельными регионами возникли существенные диспропорции в плане социально-экономического благосостояния. При этом Привисленский край, Прибалтику и Финляндию в целом отмечал более высокий уровень жизни, чем, например, губернии Центральной России. В частности, в прибалтийских губерниях уровень грамотности населения превышал 70 %, в то время как в большинстве прочих регионов он не достигал и 30 % (Гильфердинг, 2009б: 285; Горизонтов, 1999: 87-91; Мессарош, 1897: 35-37; Погодин, Рябова, 2016: 339).

Аналогичные диспропорции наблюдались, например, при сопоставлении особенностей быта жителей казачьих регионов юга России и крестьян и мещан из сопредельных губерний (в последнем случае большую роль также играло наличие у казаков сословных привилегий).

В результате у этнических финнов и поляков, например, формировалось представление о собственном превосходстве над русскими. Аналогичные тенденции по отношению к крестьянам и мещанам наблюдались и в казачьей среде (что закрепляло осознание как наследственных привилегий, так и сословного воинского долга) (Морозов, 1895: 29; Мюллер и др., 2017: 202).

В перспективе развитие национализма и сепаратизма серьезным образом угрожало стабильности империи, в особенности – на фоне нарастающей угрозы «большой войны» в Европе. Александру III удавалось частично купировать эти риски, однако монарх прекрасно осознавал, что ему удалось скорее получить длительную отсрочку начала конфликта. Выигранное время Александр III планировал использовать в том числе для решения проблем, накопившихся во внутривластной сфере. Так, императором была предпринята попытка укрепления имперской идентичности за счет реализации курса на «форсированную интеграцию» внутривластного пространства империи. Ее основным элементом выступили усилия по подавлению этнонационализма среди «инородцев» и полноценное вовлечение национальных окраин в единое правовое и «управленческое» пространство империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 153. Л. 44-48; Мюллер и др., 2017: 202).

Первые шаги в данном направлении были предприняты в 1882–1883 гг. Формальным основанием для этого стала сенатская ревизия Лифляндской и Курляндской губерний. В рамках последней был официально сделан вывод о тотальном доминировании немецкого дворянства в местных административных структурах, отказе от практики использования русского языка в официальном делопроизводстве и систематическом злоупотреблении «остзейцами» своим исключительным положением. На основании этого было решение изъять исполнительную и судебную власть у местного дворянства, провести реформу местной полицейской системы и радикально изменить кадровую политику. На ключевые позиции в местной администрации назначались этнические русские либо русскоязычные подданные, не имевшие местных или в целом немецких корней. Делопроизводство в губерниях с 1885 г. было переведено на русский язык. Одновременно был произведен переход к преподаванию на русском языке в государственных и частных образовательных учреждениях (Боханов, 2006: 96, 101-102; ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 178. Л. 81-82).

Данные мероприятия способствовали усилению интеграции балтийского региона в империю, однако с точки зрения решения задачи выработки общей идентичности они носили спорный характер. Не были разработаны программы, ориентированные на полноценную экономическую интеграцию региона (на Балтике в рассматриваемое время фактически отсутствовало собственно «русское» торговое судоходство) и появление на его территории крупных русскоязычных общин.

Также имела место недооценка значимости такого фактора, как латышское национальное движение. Ослабление власти остзейских немцев закономерно способствовало его развитию. Латышские националисты с неприязнью воспринимали представителей немецкого меньшинства, но в то же время многие из них не связывали будущее своего народа с Россией, которое они видели в рамках обретения независимости и заключения альянса с государствами Европы. Роль значимого раздражающего фактора играла образовательная политика. Внедрение русского языка в учебных заведениях сопровождалось применением санкций за использование национального языка, в том числе – вне рамок занятий, что естественным образом провоцировало рост недовольства. Таким образом, устранение «немецкой угрозы» в Прибалтике, в свою очередь, породило проблему латышского национализма. При этом в отсутствие полноценной экономической интеграции в имперское пространство русификация на административном уровне, сопровождавшаяся внедрением избыточных репрессивных механизмов, провоцировала лишь рост раздражения среди националистов (Мюллер и др., 2017: 203; Майорова, 2012: 112).

Также Александр III предпринял ряд шагов, ориентированных на ограничение финского национализма и сепаратизма. В 1890 г. император принял решение о приведении таможенной и монетной системы Финляндии в соответствие с общим законодательством империи. В том же году почтовая система Финляндии была передана Министерству внутренних дел, а ее сотрудников обязали свободно владеть русским языком. Одновременно государственные учреждения и коммерческие структуры великого княжества обязали принимать в качестве средства расчетов валюту империи (Погодин, 2015: 349; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 17-19).

При этом важно подчеркнуть, что действия императора не были направлены исключительно на ликвидацию местных прав и свобод. Так, в 1887 г. Александр III предоставил сейму великого княжества право законодательной инициативы (Боханов, 2006: 117).

Следует отметить и то, что император так и не предпринял существенных мер, направленных на прекращение масштабной неофициальной дискриминации русскоязычных и православных подданных, наблюдавшейся на территории Финляндии. Равным образом не наблюдалось попыток культурной экспансии (в том числе – в форме «мягкой силы») или усиления экономической интеграции великого княжества в пространство империи (Симонов, 2003: 24-25).

В отношении Польши Александр III проводил ту же политику, что и в Прибалтике и Финляндии. На важнейшие административные посты назначались преимущественно этнические русские. В образовательных учреждениях действовала система санкций за использование польского языка. В 1885 г. был упразднен Польский банк, что положило конец обращению особой монеты Привисленского края. В делопроизводстве доминирующим языком также стал русский (Гильфердинг, 2009а: 170; Кудряшев, 2018).

Отдельное внимание необходимо уделить решению «еврейского вопроса». Его значимость для государства обусловили следующие обстоятельства. С одной стороны, для ряда территорий России были традиционно характерны антисемитские настроения, связанные с проникновением бытовой ксенофобии в массовую культуру. В частности, такого рода тенденции проявлялись на западе и юге Украины, западе Белоруссии, юге и юго-западе России, в Прибалтике. В 1881–1882 гг. произошел очередной всплеск антисемитских настроений, что привело к серии погромов. С другой стороны, многие представители политического руководства империи усматривали угрозу в расширении присутствия этнических евреев в сфере экономики, наблюдавшемся в связи с развитием системы высшего образования, промышленного производства и банковской системы. Свою роль играло и то, что многим политикам-консерваторам были присущи крайние формы религиозного фундаментализма, что порождало у них неприязнь к иудаизму и его носителям (Бирюкович, 1883: 672-675; Платонов, 2005: 88-89; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 4. Л. 28-30).

В результате в отношении этнических евреев, исповедующих иудаизм, были приняты новые дискриминационные меры, которые, как ни парадоксально, даже частично обеспечили им рост личной безопасности, пусть и ценой социальной дисквалификации (Левин, 2017: 29; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 17. Л. 72-73; Толстой, Гессен, 1907: 18).

«Временные правила о евреях» от 3 мая 1882 г. ограничили право свободы проживания евреев-иудаистов уже в рамках самой территории «черты оседлости». В 1887 г. были введены ограничения на прием евреев в учреждения среднего и высшего образования. В 1889 г. был прекращен прием евреев в число присяжных поверенных – адвокатов при окружных судах или судебных палатах. Одновременно начались административные акции выселения евреев с ряда территорий. Так, в 1891 г. из Москвы были выселены 17 тыс. евреев, прежде занятых в ремесленном производстве (Гессен, 1906: 41-42; Платонов, 2005: 93-97).

Таким образом, политика в отношении еврейского меньшинства очевидно препятствовала интеграции евреев в структуру имперской идентичности. Напротив, она провоцировала рост их отчужденности как национальной корпорации и в то же время подпитывала антисемитские установки в широких слоях населения. На фоне эмансипации евреев в Западной Европе и Соединенных Штатах это приводило к формированию в общественном мнении соответствующих государств негативного образа России (Левин, 2017: 30; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 21. Л. 44).

В царствование Александра III были заложены основы «рабочего законодательства»: ограничены условия эксплуатации труда женщин и несовершеннолетних работников, сформирована фабричная инспекция. Правительство ограничило права нанимателей в отношении наложения штрафов и т.д. Однако в то же время ужесточалась уголовная ответственность за организацию забастовок. Равным образом государством был установлен ряд новых штрафов для работников: за производство недоброкачественной продукции, порчу имущества нанимателя, нарушение правил внутреннего распорядка. В результате острота «рабочего вопроса» продолжала нарастать по мере расширения масштабов индустриализации. Как следствие, национально-государственная идентичность титульной нации продолжала изменяться: принадлежность к социальной страте начала играть все большую роль, в то время как значение национальной и конфессиональной идентичности продолжало падать (Боханов, 2006: 129-133).

5. Заключение

Таким образом, Александром III были предприняты существенные усилия в отношении борьбы с этнонационализмом и сепаратизмом. В том числе им был реализован ряд мер, направленных на укрепление единой имперской идентичности. Однако соответствующие шаги носили ограниченный характер и не приводили к выстраиванию полномасштабной «политики идентичности».

Не были предприняты меры для выработки единой, равно привлекательной для всех этносов системы представлений о коллективном прошлом, а также образе будущего, в который были бы гармонично вписаны интересы большинства этносов империи. В сфере массовой культуры не был выработан комплекс маркеров, который бы отличал и объединял условных «россиян». В рамках системы представлений о «значимых других» не было достигнуто сближение титульной нации и прочих народов империи.

Отсутствие полноценной системы массового образования, сравнительно низкий уровень развития коммуникаций и СМИ минимизировали потенциал проведения эффективной символической политики.

Политическое руководство империи не разработало программ экономической интеграции национальных окраин в социальное и макрополитическое пространство империи. Имперская политика пространственного развития не включала в себя проектов выравнивания развития отдельных территорий. Также власти сохраняли систему сословных привилегий и обязанностей, что само по себе препятствовало выработке национально-государственной идентичности политического типа.

В то же время русификация образования и делопроизводства носила излишне жесткий характер: насаждалась практика тотального использования русского языка вместо билингвальности, что в совокупности с санкциями за использование национального языка лишь провоцировало конфликты. Ситуацию усугубляло отсутствие попыток престижного позиционирования русского языка и культуры, продвижения ее передовых достижений.

Литература

Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II / *Молодежь третьего тысячелетия*. Сборник научных статей. 2016. С. 798-801.

Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.

Бирюкович, 1883 – Бирюкович В.В. Политическое и экономическое положение евреев в России // *Русское богатство*. 1883. № 12. С. 655-690.

Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *Россия/Russia*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.

Высочайший Его Императорского..., 1913 – Высочайший Его Императорского Величества Сеймовый Устав для Великого Княжества Финляндского Дан в С.-Петербурге 15 (3) Апреля 1869 года // Корево Н.Н. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913. С.130-158.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гессен, 1906 – Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. 471 с.

Гильфердинг, 2009а – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.

Гильфердинг, 2009б – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 270 с.

Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.

- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Катков, 1897a** – Катков М.Н. О германизации Эстов и Латышей. Московские Ведомости. 1864. 16 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М., 1897. С. 292-295.
- Катков, 1897b** – Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае. Московские Ведомости. 1865. 10 июля // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 421-426.
- Катков, 1897c** – Катков М.Н. Русские купцы и русский язык в Риге. Московские Ведомости. 1865. 13 января // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 24-27.
- Кудряшев, 2018** – Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97-103.
- Кудряшев, 2013** – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Левин, 2017** – Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 29-32.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.
- Майорова, 2012** – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Оккраина? СПб., 1897.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 332-350.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.
- Морозов, 1895** – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017** – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Платонов, 2005** – Платонов О.А. Еврейский вопрос в России. М., 2005. 286 с.
- Погодин, 2015** – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.
- Погодин, Рябова, 2016** – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 338-348.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Свод местных узаконений..., 1845** – Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть первая. Учреждения. // Свод местных узаконений губерний остзейских повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1845. Ч. 1. С. 1-26.
- Симонов, 2003** – Симонов В.А. Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // *Региональная и местная власть: проблемы реформирования*. Омск, 2003. С. 6-53.
- Сосновских, 2016a** – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205-207.
- Сосновских, 2016** – Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX – начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*. 2016. № 11. С. 125-129.
- Толстой, Гессен, 1907** – Толстой И.И., Гессен Ю.И. Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907.
- Уикс, 2015** – Уикс Т.Р. Затишье между бурями // *Родина*. 2015. № 2. С. 69-71.

References

- Baglai, 2016** – Baglai S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholay II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Biryukovich, 1883** – Biryukovich V.V. (1883). Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [The political and economic situation of Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. № 12. Pp. 655-690. [in Russian]
- Bokhanov, 2016** – Bokhanov A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4–e izd. М., 509 p. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – Dyakin V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. № 9. Pp. 130-142. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [GARF – State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]

- Gessen, 1906** – *Gessen Yu.I.* (1906). Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. 471 p. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding A.F.* (2009) Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278-295. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M., 270 p. [in Russian]
- Katkov, 1897a** – *Katkov M.N.* (1897). O germanizatsii Estov i Latyshei. *Moskovskie Vedomosti*. 1864. – 16 maya. [On the Germanization of Estons and Latvians. *Moscow Gazette*. 1864. – May 16]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1864 g. M.*, Pp. 292-295. [in Russian]
- Katkov, 1897b** – *Katkov M.N.* (1865). Prava i polozhenie russkogo yazyka v Pribaltiiskom krae. *Moskovskie Vedomosti*. 10 iyulya [Rights and position of the Russian language in the Baltic region. *Moscow Gazette*. 1865. July 10]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1865 g. M., 1897*. Pp. 421-426. [in Russian]
- Katkov, 1897c** – *Katkov M.N.* (1897). Russkie kuptsy i russkii yazyk v Rige. *Moskovskie Vedomosti*. –1865. 13 yanvarya [Russian merchants and Russian in Riga [Russian merchants and Russian in Riga. *Moscow Gazette*. – 1865. 13th of January]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1865 g. M.*, Pp. 24-27. [in Russian]
- Kudryashev, 2013** – *Kudryashev V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. Nr 1. Pp. 58-66. [in Russian]
- Kudryashev, 2018** – *Kudryashev V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880–Kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 431. Pp. 97-103. [in Russian]
- Levin, 2017** – *Levin V.I.* (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 9. № 6–2. Pp. 29-32. [in Russian]
- Liprandi, 1909** – *Liprandi A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]
- Maierova, 2012** – *Maierova E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a bogatyr on the Russian throne]. M., 284 p. [in Russian]
- Messarosh, 1897** – *Messarosh P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?] SPb. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov empire] M., pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3–e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 1. 547 p. [in Russian]
- Morozov, 1895** – *Morozov P.* (1895). Finlyandiya v torgovo-promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]
- Myuller et al., 2017** – *Myuller A.M., Ryabova A.L., Sablina M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. № 11 (34). Pp. 201-208. [in Russian]
- Platonov, 2005** – *Platonov O.A.* (2005). Evreiskii vopros v Rossii [The Jewish Question in Russia]. M., 286 p. [in Russian]
- Pogodin, 2015** – *Pogodin S.N.* (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. № 3. Pp. 347-356. [in Russian]
- Pogodin, Ryabova, 2016** – *Pogodin S.N., Ryabova A.L.* (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. № 9 (32). Pp. 338-348. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [RGIA – Russian State Historical Archive]. [in Russian]
- Simonov, 2003** – *Simonov V.A.* (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i reformirovanie vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problemy reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]
- Sosnovskikh, 2016a** – *Sosnovskikh A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and

its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. T. 5. № 1 (14). Pp. 205-207. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016b – *Sosnovskikh A.V.* (2016). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Finlyandii v period kontsa XIX – nachala XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v gosudarstve [The national policy of the Russian Empire in relation to Finland during the late XIX – early XX centuries and its influence on the development of the crisis in the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. № 11. Pp. 125-129. [in Russian]

Svod mestnykh uzakonenii..., 1845 – Svod mestnykh uzakonenii gubernii ostzeiskikh. Chast' pervaya. Uchrezhdeniya [Code of local legalizations of the provinces of Ostsee. Part one. Institutions]. *Svod mestnykh uzakonenii gubernii ostzeiskikh povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyi*. SPb., 1845. P. 1. Pp. 1-26. [in Russian]

Tolstoi, Gessen, 1907 – *Tolstoi I.I., Gessen Yu.I.* (1907). Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb. [in Russian]

Uiks, 2015 – *Uiks T.R.* (2015) Zatish'e mezhdru buryami [The lull between storms]. *Rodina*. № 2. Pp. 69-71. [in Russian]

Vortman, 1999 – *Vortman R.* (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYa/RUSSIA*. Vyp. 3 (11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. M., Pp. 233-244. [in Russian]

Vysochaishii Ego Imperatorskogo..., 1913 – Vysochaishii Ego Imperatorskogo Velichestva Seimovyi Ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo Dan v S.–Peterburge 15 (3) Aprelya 1869 goda [The Supreme of His Imperial Majesty the Sejm Charter for the Grand Duchy of Finland, Dan in St. Petersburg on April 15 (3), 1869]. Korevo H.H. (1913). Seimovyi ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo vysochaishe utverzhdenyi 20 iyulya 1906 goda. S prilozheniem i alfavitnym ukazatelem. SPb., Pp. 130-158. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – *Zaionchkovskii P.A.* (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Национальная политика Александра III: попытка сформировать «имперскую идентичность»

Виктор Валериевич Титов^{а, *}

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено теме формирования общей «имперской идентичности» в рамках национальной политики Александра III. Целью представленной работы является оценка эффективности «политики идентичности» Александра III и, в частности, ее влияние на внутривластную ситуацию в Российской империи. Методология исследования построена за счет комбинирования элементов кейс-стади и дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что Александр III, следуя актуальному на тот момент тренду построения национального государства, попытался сформировать единую «имперскую идентичность» посредством языковой экспансии и ликвидации элементов автономии отдельных частей империи. Данные меры сопровождались внедрением дискриминационных практик в отношении конкретных этносов, что отчасти обосновывалось появлением новых внешних угроз, отчасти – актуализацией ксенофобских стереотипов среди представителей правящей элиты. Также подчеркивается, что в своей политике император зачастую недооценивал масштабы распространения этнонационализма среди отдельных народов Российской империи. Не уделялось должного внимания и роли экономических факторов в развитии сепаратизма. Политика русификации не сопровождалась развитием системы массового образования на русском языке, что минимизировало ее эффективность. Одновременно власти не сумели в достаточной степени сгладить социальные конфликты, возникшие в качестве побочного эффекта процесса индустриализации и развития капиталистических отношений. Следствием последнего стало размывание идентичности русских как «титупольной нации» империи.

Подобная политика способствовала укреплению ксенофобских стереотипов, что провоцировало расширение репрессий со стороны властей. Последнее закономерно еще больше обостряло «национальный вопрос» и усиливало привлекательность революционного движения для «иностранцев». В этих условиях усилия центральных властей по укреплению «имперской идентичности» давали лишь результат, обратный желаемому.

Ключевые слова: Александр III, национальная политика, «национальный вопрос», идентичность, Польша, Финляндия, евреи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)